Хроники Розмари

Автор:
Анна Данилова

Хроники Розмари

Анна Данилова

Что делать с такими огромными деньгами и как понимать слова разодетой в меха незнакомки: «Теперь ее жизнь в ваших руках»? Дина Караваева в растерянности: произошло чудовищное недоразумение, пакет попал к ней по ошибке. Но где искать таинственную Розмари? Ведь, кажется, так зовут нуждающуюся в спасении девушку, наверняка попавшую в заложницы. Подсказка ничтожно мала: разорванная пополам новогодняя открытка с адресом дома отдыха, где, вероятно, побывала Розмари, и инициалы отправителя. Правда, есть надежда, что вторая половинка находится у другого адресата. Вот его-то и надо искать в первую очередь, должен же он помочь своей возлюбленной выжить, а Дине выполнить свалившееся на нее обязательство…

Анна Данилова

Хроники Розмари

На улице Краснодонской, неподалеку от Люблинского пруда, в старом кирпичном доме на пятом этаже в десять часов вечера раздался выстрел. Часом позже по звонку соседки приехала милиция и, вскрыв квартиру, обнаружила в комнате на полу труп молодой женщины. Ее убили выстрелом в сердце. На убитой была белая новая куртка (на которой кровь выглядела особенно ярко и страшно), шея обмотана красным длинным шарфом со смешным и таким неуместным в тот момент помпоном, красный же вязаный берет надвинут почти

на глаза. На девушке оставались красные перчатки, из чего можно было догадаться, что ее убили сразу же, как только она вошла в квартиру. Разве что разуться успела: сапоги убитой валялись у порога, под каблуками натекла вода – талый снег…

1

Дина Караваева в свои двадцать три года считала себя уже совсем взрослой, пожившей женщиной и успела разочароваться в жизни. Измены мужчин, предательство подруг, уход из жизни самых близких людей – все это сделало ее очень осторожной, недоверчивой и одинокой. Понимая, что с потерей родителей жизнь не кончена и что надо продолжать как-то жить, она решила построить свой собственный мир, заключавшийся в пределах ее двухкомнатной квартиры, и постараться сделать так, чтобы не дать себя обмануть в очередной раз. Занимая скромную должность бухгалтера в маленькой фирме и располагая большим количеством свободного времени, Дина нашла себе своеобразный приработок: она устроилась помощницей по хозяйству к одному одинокому генералу. В конце каждого месяца она вносила на свой счет в банке пятьсот долларов, оставляя себе минимум на самое необходимое, и была счастлива тем, что ее счет растет, что она может позволить себе купить хорошую одежду, косметику, духи, ходить в театры, покупать книги, диски с записями любимых опер. Те, кто знал Дину, советовали ей переселиться жить в пригород, на дачу в Толстопальцево, чтобы сдать за хорошие деньги квартиру на Большой Пироговке, но Дина, в душе возмущаясь таким советом и считая, что, сдавая свою квартиру, она тем самым обкрадывает себя, как правило, отшучивалась: мол, пока еще не дошла до такого, ей и самой хочется пожить по-человечески в собственном жилье. Ей было достаточно и того, что она и так уже перешла некоторую грань унижения и стыда, о которой было известно лишь ей и тому, кто предложил ей это…

Генерала звали Эдуард Сергеевич. Он жил на Красной Пресне, в престижной высотке, совершенно один, и знакомство с Диной, молоденькой девушкой (они познакомились в метро, поздно вечером, на опустевшей станции: ему стало плохо, и Дина вовремя дала ему валидол, потом вывела на свежий воздух и на такси довезла до дома), было воспринято им не столько как скучающим и больным пенсионером, сколько как мужчиной. Не будь Дина привлекательна, молода, вряд ли он предложил бы ей работать у него. Только Дина поняла это не

сразу. Поначалу их общение ограничивалось обычными для такого случая отношениями: приходящая домработница, выполняющая всю работу по дому плюс приготовление еды. Но потом, когда Эдуард Сергеевич привык к своей молоденькой домработнице, он предложил ей (предварительно угостив вином) раздеться… Понимаешь, читалось в его взгляде, я хоть и стар, но еще не умер, у меня есть деньги, и я хочу позволить себе то, о чем всегда мечтал: видеть перед собой красивую обнаженную женщину. Высокий, худой и подтянутый старик со слезящимися голубыми глазами, всегда опрятно одетый, сдержанный в разговоре, он сказал ей о своем желании вполне деловым тоном. Он не набросился на нее с поцелуями или объятиями, и она поняла, что он хочет любить ее лишь глазами. Он хочет купить у нее это право – видеть ее время от времени ходящей по дому в чем мать родила. Понимая, что об этом не узнает ни одна душа, а плата за такое удовольствие будет значительной, к тому же Эдуард Сергеевич пообещал составить завещание в ее пользу, Дина не сразу, конечно, но согласилась. В первый вечер она даже не работала, так, ходила раздетая по квартире, думая о том, что она делает и что станет с ней дальше, стараясь не обращать внимания на своего генерала, спокойно читавшего книгу на диване в гостиной. Потом замерзла и сказала ему об этом. Эдуард Сергеевич тотчас достал из кладовой масляный радиатор, установил его в комнате и, извинившись, усадил Дину за стол и угостил хорошим коньяком и тортом.

– Прошу тебя, не осуждай меня, – сказал он.

Она подумала, что он мог бы рассказать ей о причине, побудившей его сделать ей такое странное предложение, к примеру, у него была некрасивая и толстая жена, или больная… Что он что-то важное, мужское недобрал в своей жизни. Но генерал промолчал. И Дина подумала, что это даже лучше, чем ей пришлось бы еще и выслушивать его лживые или даже циничные объяснения. Разве и так не понятно, зачем он просит ее о таком интимном одолжении?

Как-то, разбирая его огромные книжные стеллажи, она, вытирая пыль с коробок с кассетами, подумала о том, что вот сейчас она наткнется на порнографический тайник генерала. Но и здесь ошиблась. Не сказать чтобы зауважала его, но все равно, отношение к нему не изменилось. В целом создавалось впечатление, что Эдуард Сергеевич – мужчина серьезный, образованный, начитанный и, как ни странно, умеющий по-своему наслаждаться жизнью. Он умел играть на рояле, гитаре, с удовольствием смотрел комедии, любил пошутить, но делал это, по мнению Дины, все равно сдержанно, словно боясь даже в конце своей жизни расплескать драгоценные чувства. В его обещание завещать ей огромную

генеральскую квартиру в центре Москвы она не верила. Понимала, что он сказал ей это так, для красного словца.

Когда ему нездоровилось, она не раздевалась. Понимала по его взгляду, настроению. Но все равно знала и чувствовала, что делает что-то нехорошее, недопустимое, стыдное. Я продаю себя, думала она, продаю свое тело, но каким-то извращенным образом. Но самое ужасное случилось тогда, когда она вдруг поняла, что и сама не прочь раздеться… Что, стыдясь своего тела и не умея владеть им, обнаженным, скованная, она, возможно, раздеваясь перед генералом, избавится от этого комплекса и это ее умение двигаться обнаженной, пусть даже перед стариком, поможет ей в дальнейшем, когда она встретит своего, настоящего мужчину. Так оправдывая свою распущенность (это определение к ней пришло приблизительно через неделю), она продолжала приходить к генералу, работать и получать свои деньги.

Самым приятным было возвращаться вечером домой, в свою теплую и уютную квартиру, где ее ждали чудесная ванна, ужин, любимая музыка, фильмы, компьютер с его необъятными, фантастическими возможностями… Она радовалась тому, что у нее нет подруг, что не надо трепаться с кем ни попадя по телефону и обсуждать каждый прожитый день или выслушивать чужие проблемы. Все это осталось у нее в прошлом и теперь воспринималось ею с чувством досады: и на кого она только тратила время и душевные силы? Были в прошлом две подруги, и обе в свое время попытались отбить у нее мужчин. Чуть ли не на шею им вешались, пускали в ход все обаяние, наглость и какое-то отчаяние… Одну подругу она застукала в подъезде – размалеванная перепившая кукла Таня целовалась с женихом Дины, а в квартире было полно гостей, которые были приглашены на помолвку. Другая подруга не постеснялась написать близкому другу Дины длинное любовное послание и пригласить на свидание. Дина пошла и проверила: он пришел… Всех четверых она вычеркнула из своей жизни без объяснений. И ведь не получилось пар – все равно все разбежались в разные стороны… Противно было вспоминать.

Зато теперь телефон молчал. Отдыхал от бессмысленных дежурных фраз, слезливых причитаний, жалоб и слов утешения, от всего того, что прежде составляло для нее женскую дружбу. Что же касается мужчин, то откуда-то взялись силы, чтобы внушить себе надежду на то, что рано или поздно она встретит порядочного, честного и верного человека, за которого и выйдет замуж. Но пока что это были абстрактные образы… Слишком уж много она требовала от своего потенциального избранника.

Максим появился в ее жизни в тот момент, когда она была почти готова к тому, чтобы найти время и силы для общения. Они познакомились на концерте в консерватории, оба пришли без спутников, слонялись в антракте в холле, рассматривая толпу любителей музыки. Высокий, розовощекий, с вьющимися волосами на круглой голове, большой мальчик в темном костюме и белоснежной сорочке, он и сам походил на одного из музыкантов на сцене – такой же красивый, загадочный, с одухотворенным лицом. В отличие от других мужчин, которых Дина когда-либо знала, Максим, знакомясь с нею, вел себя довольно решительно, свободно («Я один, и вы – одна, даже впечатлениями не с кем поделиться…»), говорил просто, хоть и краснея, предложил после концерта зайти в кафе. Выйдя из консерватории, они прошлись по побелевшим от снега улицам, зашли в кафе, выпили сначала кофе, потом вина. Москва переливалась ночными огнями, хотелось идти куда глаза глядят – повсюду была немыслимая зимняя красота… Максим был очень активным, делился своими впечатлениями о прослушанном фортепьянном концерте Грига, говорил, что и сам мечтал стать пианистом, да только серьезно травмировал правую руку. Прощаясь, пригласил Дину в Большой театр на «Царскую невесту», сказал, что если она согласится и придет к памятнику Пушкина в пятницу, то через неделю они сходят вместе и на «Золотого петушка». Казалось, ему ужасно не хватало спутницы для подобных культурных мероприятий и он увидел в Дине родственную душу. Дина с радостью согласилась. А почему бы и нет?

– Знаете, Дина, вы – замечательная! У вас очень милое лицо, добрые и красивые глаза… А этот красный берет, он так идет вам… Вы чудная, чудная!

Восторженный мальчик. Он не пробудил в Дине совершенно никаких чувств. Разве что жалость. Ей подумалось, что он наверняка из хорошей семьи и что ему будет довольно-таки сложно подыскать себе подходящую девушку. В идеале она должна сейчас учиться в музыкальном училище или консерватории. Жена – пианистка или вокалистка – отличный вариант. Максим при желании мог бы стать ее продюсером…

Размышляя таким образом, Дина в пятницу вечером собиралась в Большой театр. Надела свой любимый черный брючный костюм с норковым воротником. Она настроилась на приятный, полный музыки и красоты, вечер. Можно было бы поверх костюма надеть теплую шубу, но тогда пришлось бы накинуть капюшон, а ей так хотелось, чтобы Максим снова увидел ее в понравившемся ему красном берете. Поэтому она надела то, в чем он ее уже видел: белая легкая куртка,

красный берет, красный шарф и красные перчатки. Красные губы, красные камни в крупных итальянских серьгах. Промелькнула нехорошая мысль: вот бы меня сейчас увидел Эдуард Сергеевич… Странная мысль, усмехнулась она, спускаясь на лифте, зачем ему видеть меня в одежде, когда он может видеть меня и без одежды. Разве это не то, о чем мечтает большинство мужчин? Интересно, Максим презирал бы ее, если бы узнал, в каком виде она готовит суп и гладит белье?

Максим сказал, что будет ее ждать в шесть часов возле памятника Пушкину. В декабре в такой час уже темно, золотая артерия Москвы, Тверская, переливается новогодними огнями сверкающих витрин, в воздухе предновогоднее сладкое брожение, даже снег кажется сахарным… Дина пришла пораньше, успела вытоптать на снегу темное пятно своими острыми каблуками. Вокруг нее стояли и притоптывали такие же ожидающие – каменный Пушкин уже давно привык, что именно здесь влюбленные, да и просто деловые люди назначают встречи. Дина стала замерзать, пожалела о том, что надела курточку вместо шубы. Зачем это? Разве ей не все равно, в чем она, в ее планы не входит нравиться Максиму. Он – совершенно посторонний для нее человек, и ради него она не собирается подхватить простуду. Одиночество, конечно, имеет свои плюсы, и их очень много, да вот только, когда она заболеет, кто за ней будет ухаживать, бегать за лекарством, ставить градусник и готовить горячее питье? Неужели на время болезни ей придется перебраться к Эдуарду Сергеевичу?

Неожиданно к ней подбежала женщина. Красивая, в мехах. Всучила ей пакет и со словами «Теперь ее жизнь в ваших руках» и исчезла. И сразу откуда ни возьмись появился Максим. С букетом гвоздик. Смешной!

– Извини, что опоздал на десять минут. Я на машине, побежали… Какая же ты красивая, Дина, и как я рад, что ты пришла, не обманула…

Дина, держа пакет в руках, стала оглядываться.

– Максим, произошла ошибка, мне кто-то сунул в руки пакет. Мы не можем сейчас пойти, понимаешь?

– Как это?

– Вот, видишь? Только что подбежала какая-то женщина и сунула мне это в руки. Сказала при этом очень странную вещь…

– Ну хорошо, давай еще немного постоим, время терпит… Думаю, что этот «кто-то» должен подойти к шести. Уже десять минут седьмого. Видимо, адресат не успел. А что в пакете-то?

– Понятия не имею. Говорю же: только что подошла женщина…

Желтый полиэтиленовый пакет. Новый. В нем – что-то легкое, плоское.

– А вдруг это бомба? – Максим, в удивлении от собственного предположения, онемел. Потом ожил, замотал руками: – Бросай к чертям!

Дина подошла поближе к свету и приоткрыла пакет. Увидела в глубине еще один пакет из коричневой бумаги. Храбро просунула в мягкую прорезь пальцы и нащупала что-то аккуратное, стянутое тонкими резинками… Ее бросило в пот. Решение пришло само, ниоткуда… На вопрос Максима, что же она нащупала в пакете, она проговорила рассеянно, глядя на неоновые витрины с наряженными елками и Дедами Морозами:

– Какие-то документы… Завтра приду сюда в это же время и отдам… или же в газету дам объявление. Но я не могу подвести тебя. Пусть помучаются те, кто ошибся. Я-то тут ни при чем. Почему я должна портить себе и тебе вечер, так?

– Так. Хотя не знаю… Но мы же подождали немного… Ладно, потом разберемся. Главное, что это не бомба.

– А если это договоры, как мне показалось, то там наверняка есть юридические адреса. Название фирмы. Все, закрыли эту тему.

Пока шла опера, Дина думала только о том, что пакет они сдали в гардероб. Зачем? Чтобы вести себя естественно. Если бы она сказала Максиму, что будет носить пакет сама, он сразу же догадался бы обо всем. А вдруг ей показалось?

Никакого удовольствия от музыки она не получила. Казалось, слух ее жил отдельно от остальных органов чувств – она не слышала щемящую музыку Римского-Корсакова. Взгляд ее, скользя по сцене, мутнел, она никак не могла сосредоточиться… Ей проще было разглядывать голые плечи дам, сидящих впереди нее в партере, ухоженные мужские затылки. Все наслаждались музыкой, следили за развитием действия, переживали за главную героиню, а Дина, вместо того чтобы получить удовольствие от прекрасной музыки, фантазировала…

Ей не терпелось поскорее добраться до дома, чтобы открыть наконец пакет и не спеша рассмотреть все его содержимое. А вдруг ей показалось? Сколько раз она задавала себе этот вопрос… И зачем она только услышала эту фразу: «Теперь ее жизнь в ваших руках»?

2

После концерта пакет нес Максим. Он что-то говорил ей, она делала вид, что слушает, хотя на самом деле горячий стыд заволок и слух, и остальные чувства – она мечтала об одном: как можно скорее отделаться от спутника. Понимала, что он молчит и не рассуждает по поводу пакета из вежливости, что его тоже занимает вопрос: каким образом вернуть пакет тому, кому он был предназначен. Надо было уже перед тем, как расстаться, хотя бы вскользь вернуться к этой теме, как сделал бы на ее месте порядочный и честный человек, а ей и надо было, чтобы он так думал, чтобы хотя бы не вызвать подозрение. Зачем ему знать, что она вовсе не такая, как он о ней думает? Он никогда не узнает правду ни о пакете, ни о том, в каком виде она прислуживает в доме генерала. Две постыдные истории в ее жизни – не многовато ли для такой молодой женщины, как она? И все они связаны с деньгами. Ведь в пакете деньги. И немалые. Ей не могло показаться…

– Ну что, сходим вместе на «Золотого петушка»?

Он проводил ее до самого дома, и теперь они стояли на крыльце ее подъезда и прощались. Она нервничала из-за пакета, который Максим по-прежнему продолжал держать в руках. Вот, вот сейчас она протянет руку и возьмет его со

словами: «Завтра предприму что-то, чтобы вернуть его хозяину…»

Но она не успела этого сделать. Максим сам вернул ей пакет со словами:

– Знаешь, если там ничего серьезного и есть, как ты говоришь, адрес, то не забивай себе голову – отправь документы по почте. Если же есть номер телефона, то позвони и назначь встречу уже там, где тебе удобно. Я вижу, что тебе не по себе из-за того, что ты взяла пакет, но, как я понял, все произошло слишком быстро, и та женщина, которая тебе его передала, мгновенно исчезла… Да и я настоял на том, чтобы мы пошли в театр. Так что не переживай, я же вижу, что у тебя настроение не очень-то… Не думай ни о чем. Придешь домой, посмотришь, что там, и сама решишь, как лучше поступить, чтобы разделаться с этой проблемой с наименьшими потерями. А если там какая-то ерунда вроде книги или журнала, то и вовсе забудь.

Хороший мальчик Максим. Значит, он все это время видел, в каком она находится состоянии, и молчал. Хорошо, что она не рассказала ему самого главного – о том, что сказала та женщина, передавая ей пакет…

Они с Максимом тепло распрощались, Дина даже позволила поцеловать себя в щеку. Потом они, спохватившись, обменялись телефонами и наконец, пожелав друг другу спокойной ночи, расстались. Дина не помнила, как оказалась дома. Заперлась на все замки и привалилась к стене… Сердце ее стучало. Надо было успокоиться, прийти в себя. Она разделась и с пакетом прошла в гостиную. Положила его на стол. Бомба? Но тогда она взорвалась бы прямо у памятника, где в то время собралось не так уж мало народу. Но все равно место возле памятника для террористов не самое удобное – им подавай метро, большое скопление народа. Вот если бы пакет ей вручили возле театра и бомба была запрограммирована взорваться ровно в семь, тогда… Стоп. Зачем думать о грустном? Какая еще бомба? Ее явно с кем-то спутали. Террористка вряд ли бы стала произносить эти странные слова: «Теперь ее жизнь в ваших руках».

Чья жизнь в ее руках? Может, там лекарство? И пачки денег ей просто померещились?

Она села за стол и принялась осторожно вынимать содержимое пакета. Так и есть. Внутри пакета – еще один, плотный и мягкий, коричневого цвета. А в нем – пачки долларов, перетянутые тонкими цветными резинками. Пальцы сами

стянули первую резинку и принялись отсчитывать драгоценные купюры.

В пакете оказалось пятьдесят тысяч долларов. Не миллион, конечно, усмехнулась она, все еще не веря в случившееся, но все равно. Немалые деньги. Она отложила их в сторону и прикрыла пакетом. Что еще? Конверт. Незапечатанный. Большой, голубой. Без марок и подписи. Она открыла его и достала открытку. Новогоднюю. Ветка ели с красивой красной игрушкой и бокал шампанского. Открытка посыпана розовой блестящей пудрой. Раскрыла открытку, сложенную пополам, и внутри увидела небольшой текст, написанный синими чернилами – почерк мужской, размашистый.

«С Новым годом, Розмари! Желаю тебе здоровья, счастья и любви. И еще – научиться кататься на лыжах. Хотя это не обязательно. Знай, что, пока я с тобой, ты всегда можешь на меня положиться и опереться.

Целую, твой В.».

г. Красноармейск, д/о «Отрадное», 01.01.2001.

И внизу – рисунок, сделанный этими же чернилами: парочка влюбленных, стоявших в обнимку и державших свободными руками лыжи. У девушки длинные волосы. На мужчине – шапка-ушанка. В остальном все как обычно. Свитера, широкие штаны. Лица – символические, почти одинаковые, улыбающиеся, нарисованные уверенной рукой, но на фоторобот не потянут. Дина хотела представить себе этих людей. Она вдруг поняла, что фраза, брошенная женщиной, отдавшей ей по ошибке пакет, относится именно к этой девушке с лыжами – Розмари. Понятно, что это не настоящее имя. Что это именно В., влюбленный в нее и проведший с ней Новый год в доме отдыха «Отрадное», так называл ее. Он любил ее? Или любит до сих пор? Но они явно расстались – ведь открытка была разорвана пополам и затем аккуратнейшим образом склеена при помощи тонких пластин скотча. Зачем и кто разорвал открытку и когда? Как много вопросов! Причин могло быть зато всего две. Первая: они поссорились, и кто-то из любовников от отчаяния или злости разорвал ее. И вторая: они разорвали открытку специально, перед тем как расстаться, чтобы потом, при встрече, соединить куски. Как пароль, как святыня, имеющая место быть там, где есть брак, семья. Мужчина и женщина оторвались от своих семей, отправились в Красноармейск, в дом отдыха, встретились – и полюбили друг

друга… Или же познакомились прежде, чем отправились туда. Вероятно, это место располагало к любви. Но в силу определенных обстоятельств остаться вместе они не могли. Или он был женат, или она – замужем. Расстались либо насовсем, чтобы не травмировать себя дальнейшими опасными встречами, либо на время, чтобы уладить свои дела с разводами, формальностями. И вот теперь склеенная открытка должна быть передана либо женщине, либо мужчине. Но, судя по фразе, произнесенной курьером, и открытка, и деньги предназначались все-таки женщине… «Теперь ее жизнь в ваших руках…» А может, эти деньги – выкуп? Девушка на лыжах похищена, и похитители требуют выкуп. Но пятьдесят тысяч долларов – не миллион, повторила Дина про себя. К тому же похитители, ожидавшие женщину с пакетом, не позволили бы постороннему человеку забирать деньги. Они не допустили бы, чтобы пакет был передан кому попало. Женщина, принесшая пакет, явно не знала того, кому он был предназначен, в лицо. Иначе не отдала бы его Дине. Но она же отдала! Значит ли это, что она, Дина, была похожа на ту, что должна была подойти к памятнику Пушкина к семи часам за деньгами? А как еще объяснить эту ошибку? Внешность или одежда? Этого она не узнает никогда. Одно Дина поняла сразу, как только увидела деньги и открытку: все надо вернуть тому, кто этого ждет. Иначе случится беда. И эта беда коснется кого-то из нарисованных лыжников. Мужчина или женщина. Пятьдесят тысяч… Может, кто-то от кого-то откупается? Но тогда женщина сказала бы: не жизнь ее, а судьба, предположим, в ваших руках. Но жизнь… Женщина в опасности. Что-то (или кто-то) угрожает ее жизни. Либо ее где-то держат и ждут выкупа. Возможно, также, что она больна и деньги требуются на лечение… Существуют, вероятно, еще варианты, но они почему-то пока не приходят в голову. Одно было ясно: деньги надо отдавать. Вместе с открыткой, раз это какой-то символ. Открытка… Нет, это все-таки не похищение, не выкуп, бандитам не свойственна сентиментальность, а открытка в пакете – вещь не случайная, она что-то означает. Мол, помнишь, как все было? Или же… Забирай открытку вместе с воспоминаниями и больше не звони, не пиши, не приезжай. Забирай свои игрушки и убирайся из моей песочницы. Ну зачем ей понадобилось брать этот пакет? Почему она не побежала вдогонку за женщиной и не вернула его? Как, почему… Да потому, что женщина сразу же исчезла. Как сквозь землю провалилась. Успела произнесли лишь одну фразу – и все! Словно так и было задумано. Возможно, за ней следили или что-нибудь в этом духе, что ей, Дине, понять пока невозможно.

Она снова открыла посыпанное блестящей новогодней пудрой послание: дата. Первое января две тысячи первого года. Пять лет тому назад. Мужчина, этот самый «В.» (Виктор, Виталий, Владимир, Влад…), написал дату так, как пишут деловые люди. Не прописью, а парами чисел. Хотя какое это сейчас имело

значение?

Дина спрятала деньги в шкаф с бельем, туда же сложила и пакет с открыткой, только на другую полку, поставила греться чайник и отправилась в ванную. Лежа по горло в теплой приятной воде, она с закрытыми глазами пыталась себе представить какой-то богом забытый дом отдыха, занесенный снегом и тихий, почти пустой… Гороховый суп на обед и теплое молоко с плюшками на полдник. Собственно говоря, а почему бы не прогуляться до этого «Отрадного», взять путевку и самой отдохнуть, а заодно и попытаться выяснить фамилии этих двоих, так и не сумевших договориться за пять лет…

3

– Хозяин квартиры живет в Африке, мать его… – уставший следователь сонно клевал носом в своем кабинете.

Перед ним стояла чашка с остывшим кофе. Он разговаривал сам с собой, так ему казалось, что его мысли обретут стройность и особый смысл. Он знал, что соседние кабинеты давно пусты, что все ушли домой, а он, как идиот, сидит и продолжает думать об убитой в квартире на улице Краснодонской. Странное убийство! Странная девушка, которая разувается, не сняв с перчаток. Или же она сняла перчатки, а убийца после выстрела зачем-то надел их на ее руки. Как будто у него было время после убийства возиться с перчатками. Если он нормальный, то он должен был уносить ноги, а не надевать перчатки на руки убитой им девушки. То, что она разулась сама, несомненно. Иначе зачем бы убийце разувать ее? Итак. Девушка пришла домой (предположим, что это ее дом, хотя, конечно, никакой он не ее, а Виноградова Альберта Михайловича, геофизика, работавшего по контракту в Африке), разулась, чтобы не топтать паркет (все-таки на улице снег). Перед тем как разуться, сняла перчатки. Скорее всего, сунула их в карман или оставила на полочке в прихожей. И тут она увидела убийцу. Он мог поджидать ее в квартире и выстрелить, как только она вошла. Или же мог прийти позже, но сразу за ней, потому что жертва – одета… Девушка открывает дверь, впускает убийцу, или же он сам входит, она пятится… Затем он стреляет ей в грудь. Возможно, он, преследуя ее, хватает с полки перчатки, надевает их (чтобы на оружии не осталось следов) и уже потом достает, предположим, из кармана пистолет и стреляет. После чего срывает с

себя перчатки… Находясь в шоковом состоянии, он надевает их на руки мертвой девушки. Перчатки! Вот дались они ему! Думает только о перчатках. Нет, похоже, девушка разувалась в перчатках. Или же вошла, хотела разуться, но в этот момент в дверь позвонили, и она, как была, в перчатках и сапогах, развернулась к двери и открыла ее. Увидела убийцу и впустила его. Если бы это был незнакомый человек, то, во-первых, она могла бы его не впускать. Или же впустить после каких-то объяснений, мало ли что… Во всяком случае, разуться она могла, лишь успокоившись, то есть самым обычным способом сняла сапоги. Однако она была в перчатках… Значит, была рассеянна. Задумалась о чем-то. Вероятно, этот гость сильно удивил ее…

Личность убитой установлена. При девушке была сумочка с документами и небольшими деньгами. Неудачина Алевтина Ивановна, 1979 года рождения, жительница города Саратова, проживающая по адресу: ул. Рахова, дом 153/57, кв. 20.

Она прибыла в Москву три дня тому назад и собиралась уехать как раз на следующий день. Не успела. Не уехала.

Поехали дальше…

Следователь Борис Михайлович Аникеев мог бы уже давно отправиться домой, да только не хотел. До официального развода оставалась неделя, и он не мог находиться со своей почти бывшей женой в одной квартире. Не мог видеть, как она собирается, укладывает вещи, чтобы переехать к своему любовнику. Не понимал, зачем ей понадобилось жить дома вплоть до самого развода. Как будто нельзя было собраться за пару вечеров, пока его нет дома, и уйти, сделав так, чтобы он не страдал, видя ее сборы, и не раздражался бы при мысли, что теперь все свои юбки и халаты, чулки и сорочки она будет носить в другой жизни. И что их увидит другой мужчина. У них любовь, видите ли! А что же было тогда между ними, между Надей и самим Борисом? Ну и что, что нет совместных детей. Как будто дети могут гарантировать любовь, устойчивые отношения, верность. Какая чушь, и как наивны те, кто так полагает. Семья, в понимании Бориса Михайловича, должна держаться только на любви и уважении. Это – все.

Он представил себе, что пришел, открыл дверь своими ключами и увидел свою жену, Надю, стоящую возле раскрытого чемодана с задумчивым видом (нижняя губа закушена, глаза застыли: отомри!) и размышляющую о том, все ли она взяла, не забыла ли чего? Между строчками: купит ли ей новый муж новую

блузку или шубку? Нет, это невозможно, что Надя от него уходит. Все было так спокойно, хорошо. Она сказала, что устала от одиночества, что устала ждать. Вечная песня жен следователей прокуратуры.

Ладно. Поехали дальше… Алевтина Неудачина. Ну и фамилия! Действительно «неудачина», удача, если и имела место в ее жизни, то совсем недолго, ровно столько, сколько понадобилось для того, чтобы прожить двадцать семь лет.

Какое отношение она имеет к Виноградову Альберту Михайловичу? Этот вопрос надо бы послать вместе с остальными важными вопросами в Саратов, коллегам в прокуратуру. А если понадобится, и самому выехать на место, вернее, туда, на улицу Рахова, где проживала Алевтина. Аля… Не самое красивое имя для женщины.

По дороге домой Аникеев купил пачку замороженных вареников с вишней и сметану. Судя по тишине в квартире, жены не было. Слава тебе, господи! Догадалась-таки уйти, не мучить его. Наблюдая за тем, как закипает вода в кастрюльке, Борис спросил себя, любит ли он по-прежнему Надю или нет. Судя по тому, что в груди не саднило, он понял, что за полгода ее измен и разговоров о разводе он успел переболеть ревностью. Да и любовью тоже. Ему вдруг остро захотелось одного – чтобы его наконец оставили в покое. Ему никто не нужен. Ни чтобы его кто-то ждал, ни чтобы о нем кто-то заботился. В последнее время он понял, что дежурная забота жены стала его тяготить. Задерживаясь на службе, он думал о том, что его ждут и злятся. Нет, не волнуются, а именно злятся. Надя злилась, разогревая ему еду. Хотя какая это работа – греть в микроволновке тарелки? Да если разобраться, это вообще легко и просто. Злилась, когда он засыпал прежде, чем его голова касалась подушки… Нет, это даже хорошо, что они расходятся. Теперь его никто не будет ждать и он сможет распоряжаться своим временем как пожелает. Конечно, в первую очередь он будет спокойно работать. А ужин он сможет приготовить себе сам. На завтрак можно доесть остатки ужина или просто выпить кофе. Обедает он в столовой, в суде. Так что с питанием у него проблем не будет. Стирать он будет в стиральной машине, которую освоил еще пять лет тому назад. И пропылесосить сможет, и раковины почистить… Любовь! Зачем такая любовь, когда страшно подходить к двери, зная, что сейчас тебе на голову обрушатся злобные упреки…

Вареники, политые сметаной и посыпанные сахаром, – мечта холостяка. Ведь теперь он холостяк. Вот и хорошо, думал он, уплетая один вареник за другим.

Сметана стала розовой, сладкой, теплой… Буду есть каждый день одни вареники с вишней, решил Аникеев, отодвигая от себя уже пустую тарелку и похлопывая себя по плоскому животу. В свои сорок пять он выглядел довольно-таки молодо. Высокий, худой, даже спортивный. Он приготовил себе горячего чаю и устроился с чашкой перед телевизором. Передавали футбол. Это ли не счастье?..

4

От своего генерала Дина узнала, где находится город Красноармейск. Его удивило, что она интересуется таким захолустьем.

– Мне надо уехать, у меня там бабушка заболела, – солгала она. Ну не объяснять же ему, что это она сама заболела на голову и решила во что бы то ни стало узнать, кому предназначались пятьдесят тысяч долларов, чтобы вернуть их.

Конечно, перед тем как отправиться в такое далекое путешествие (город находился в Саратовской области, приблизительно в тысяче с лишним километров по Волгоградской трассе), она честно отстояла возле памятника Пушкину два вечера – с семи до восьми – в надежде, что ее увидят и попросят вернуть пакет. Она и одета была так же, как в тот вечер: белая курточка и красный берет, шарф… Но никто не пришел.

– Разденься, – попросил Эдуард Сергеевич. – Я так по тебе соскучился… Два дня тебя не видел, я просто места себе не нахожу…

– Уж не влюбились ли вы? – устало спросила Дина, закатывая пылесос в кладовку и оглядывая только что вычищенный ковер. Генерал сидел в кресле-качалке с газетой в руках. На нем были бордовый пуловер, клетчатая рубашка и серые домашние твидовые брюки. Красивый, с благородной внешностью мужчина.

– Вы шутите… – он горько усмехнулся. – А что, если я на самом деле полюбил вас? Что я привык к вам и не могу уже без вас?

Он говорил тихо, и голос его показался Дине даже ласковым. Где твоя сдержанность, генерал?

Она почему-то покраснела, перешагивая через трусики. Бросила свои вещи в кресло, взяла тряпку и принялась стирать пыль с книжного шкафа.

– Дина, и так все блестит, кругом чистота. Сядь, отдохни. Хочешь выпить?

Как объяснить ему, что, когда она работает, что-то делает – чистит ли картошку или гладит, – она занята и старается не думать о том, что она голая. А в кресле или на диване, с бокалом вина или рюмкой коньяку, она кажется себе шлюхой. Произносить же это вслух она не решалась. Боялась, что перейдет следующую грань в их отношениях, после чего ей просто придется уйти. Или же спать с ним, чего она не собиралась делать.

– Скажи, Дина, у тебя есть кто-нибудь? – Эдуард Сергеевич поднялся и направился к бару.

– Вы имеете в виду… мужчина? Нет. Никого нет.

– Но ты же такая красивая девушка. Почему?

– Да потому, что все они – козлы, – сказала она и покраснела еще больше.

– Я понимаю – тебя кто-то обидел. Кто?

– Вам назвать его имя?

– Как хочешь…

– Эту сволочь зовут Виктор Кондратьев. Он руководитель фирмы «Амфора». Ладно, налейте мне рюмочку коньяку… Конфеты, пожалуйста, мои любимые, с вишней… – Она села на диван и расслабилась. Вспомнила прошлое. – Эта сволочь торгует греческими товарами. Вот так.

– А как он тебя обидел?

– Переспал с моей подружкой, Таней Федоровой. Мы с ней как сестры были. Я не понимаю, как так можно – предать, переспать с моим женихом, а потом извиняться… неужели не понятно, что я все равно никогда не прощу?

– А она из какой среды?

– Не поняла… – Дина облизала горькие от коньяка губы. – В каком смысле?

– Вы с ней вместе где-нибудь работали?

– Да все в этой же «Амфоре». И так отлично все складывалось… Знаете, мне так больно вспоминать. Зато теперь я совершенно одна, свободна и не хочу связываться с мужчиной. Мне спокойно и уютно, если хотите знать. Я не лукавлю, вы не подумайте…

– Но ты же женщина…

– Знаю. Но я не верю мужчинам, как вы не понимаете?

– У тебя такое озабоченное лицо. Ты действительно собираешься в этот Красноармейск? Зачем? Чтобы вылечить бабушку?

– А что в этом особенного? Честно говоря, я и не знала, что у меня там есть бабушка… – Лгать оказалось делом неприятным и опасным. Опытный генерал легко может подловить ее на вранье. – Эдуард Сергеевич, вы бы рассказали что-нибудь о себе.

– А нечего рассказывать… Была семья – и нет.

– Неужели все погибли?

– Нет, упаси боже! Просто у всех своя жизнь – и у бывшей жены, и у детей…

– Знаете, вот с кем ни поговорю – у всех одна и та же история. Развод. Все разводятся. Это так грустно. А я бы хотела состоять в настоящем, официальном браке, и не вижу здесь ничего смешного… Штамп в паспорте – это не просто фиолетовая печать. Это серьезно. Это совместная жизнь, это когда всегда и во

всем вместе, когда все принадлежит обоим и когда это не в тягость… Когда не надо никаких брачных договоров, которые уже с самого начала допускают вероятность развода. А вы как думаете?

– Я тоже так думал. Но разве я мог предположить, что моя жена бросит меня?

– Знаете, даже как-то не верится…

Дина почувствовала, что спина ее застыла. Хотя в комнате было жарко натоплено, все равно ей стало как-то не по себе. И Эдуард Сергеевич заметил, что с ней не все в порядке.

– Спина замерзла.

Он легко поднялся и сел рядом с ней, обнял ее.

– А так?

Он не волновался, и Дине показалось, что он повел себя совершенно естественно, без тени смущения, словно каждый вечер обнимал ее за спину.

– Так теплее… Но, Эдуард Сергеевич…

– А так? – Он чмокнул ее в щеку и приобнял, поцеловал в макушку. – Какая же ты нежная, красивая. Ты, Дина, просто драгоценность!

– Вы раньше никогда не делали этого…

– Глазами – делал, – признался он со вздохом. – Раньше глазами раздевал, а когда ты стала сама раздеваться, то все остальное только представлял…

– Эдуард Сергеевич!

И тут случилось невероятное. Он вдруг встал, легко поднял ее с дивана и понес в спальню. Она не успела ни закричать, ни отбиться, ничего… Ее воля была совершенно парализована, а мужчина, непонятно как оказавшийся тоже

раздетым, обрушился на нее своим твердым, железным и сильным телом с таким неистовством, что от непонятных чувств она вся покрылась испариной. Забывшая, что такое мужчина, она подумала, что ее сейчас разорвут, ей хотелось плакать, но слез почему-то не было. Генерал насиловал ее в самом прямом смысле. А она всегда считала, что он больной человек, необратимый импотент. Оказалось – сильный и здоровый мужик, все эти месяцы, что она ходила перед ним раздетая, сдерживавший свои желания.

Когда она открыла глаза, его рядом не было. Потная, истерзанная, она лежала на сбившейся постели и думала, что это конец. И что она сама во всем виновата. И кто ей поверит, что она этого не хотела? Столько времени ходить перед мужчиной голой…

Она встала, чувствуя, как ослабли ее ноги. Злым и отчаянным движением обтерла концом простыни влагу с бедер и живота. Затем завернулась в тонкое одеяло, вышла в гостиную, стараясь не смотреть на сидевшего в кресле-качалке окаменевшего генерала, быстро схватила вещи и снова вернулась в спальню. Принялась судорожно одеваться. Когда была уже в передней, с сумочкой, в дверном проеме возникла тень.

– Дина, ты единственное, что есть у меня в жизни. Ты вольна сделать сейчас то, что делают все женщины в таких ситуациях… можешь вызвать милицию, и тебя отправят на экспертизу… Я готов отсидеть положенный мне срок за то, что я совершил…

Он говорил еще что-то, но она не слышала. Выбежала на лестничную клетку. Щеки ее горели. Конечно, сейчас она позвонит в милицию и расскажет о том, как она соблазнила генерала, а потом он ее изнасиловал. Генерала посадят. И через неделю он там умрет. Что потом?

Лучше все забыть. В лифте она лихорадочно подсчитывала, опасный ли у нее период, не забеременеет ли? Хотя разве можно забеременеть от такого старого человека, как этот генерал? Разве в его жилах течет жизнь? А если не жизнь, что тогда двигало им, когда он набросился на нее? Раствор валокордина? Ну уж нет… Он здоровый и сильный, он всегда точно знал, чего от нее хочет. А она, разве она не понимала, что провоцирует его каждым своим движением, каждым появлением перед ним в непотребном виде… Да, она сама во всем виновата. И

все равно…

Она стиснула зубы и заплакала: «Ненавижу… всех!..»

5

Дома она проплакала весь вечер. Завернувшись в плед, вспоминала свою жизнь, родителей, предательниц-подруг, любовников. Плоские, почти вытертые добела лица, которые с каждым годом становились все прозрачнее и прозрачнее… А что у нее есть на сегодняшний день? Снежная и теплая московская зима, пакет с чужими деньгами, воспоминаниями и невозвращенным долгом (присыпанный розовыми сахаристыми блестками и пахнущий в ее воображении новогодними мандаринами), оскверненное извращенцем-генералом тело и неистребимое чувство вины перед собой. Звонил Максим, но она не стала с ним разговаривать, сославшись на головную боль.

А ночью, когда она задремала под звуки телевизора, в передней раздался звонок. Дина проснулась мгновенно, подскочила, села на постели, озираясь по сторонам. Она не помнила, когда ей звонили последний раз. Подошла к двери с нехорошим чувством: кто бы это мог быть так поздно?

Заглянула по привычке в глазок и увидела генерала. Не могла не открыть. Он был с большим букетом красных роз. Дина впустила его, находясь в каком-то ступоре, долго смотрела, как он разувается, аккуратно ставя теплые ботинки у порога, и вдруг поняла, что ужасно жалеет его. Что никогда еще никого так не жалела.

– Проходите и не думайте ни о какой милиции. Да и вообще, как вы могли подумать, Эдуард Сергеевич, о том, что я напишу заявление… Как будто я маленькая и глупая девочка, которая не понимала, что творит. Молчите. Я все прекрасно понимаю. Это я во всем виновата. Я не должна была с самого начала соглашаться ходить перед вами раздетой. Не должна, но позволила себе. Из-за денег. Подумала, что все равно никто никогда не узнает… Вы же серьезный, неболтливый человек.

Она говорила, машинально ставя на стол чашки, заваривая чай, открывая коробку с конфетами. Генерал сидел молчаливый, с растерянным бледным лицом и, казалось, боялся посмотреть ей в глаза.

Когда же стол был накрыт и Дина поставила бутылку с вином, генерал неожиданно сказал:

– Дина, выходите за меня замуж.

Зачем он это сказал? От одиночества или чтобы загладить вину? Или же…

– Я давно воспринимаю вас как близкого человека, как женщину, как жену. То, что произошло сегодня, – ужасно. Но если предположить, что я всегда был в своих фантазиях вашим мужем, то тогда это вполне объяснимо.

– Я понимаю вас, Эдуард Сергеевич. Вы – одинокий человек. Я – тоже. И вы думаете, что жизнь наша наполнится смыслом, если мы будем жить вместе. Может быть… Хотя я не уверена, что смогу полюбить вас. И если сейчас соглашусь, то из-за отчаяния. Но прислуживать вам за деньги и жить с вами, делить кров, пищу и постель – это не одно и то же.

– Я буду заботиться о вас, постараюсь сделать вас счастливой… Я не беден, вам не придется работать ни бухгалтером, ни домработницей. Вы подумайте, Дина.

– Почему вы перешли на «вы»?

– Из-за чувства вины и восхищения вами… тобой… Дина, я так люблю тебя, что готов на все, лишь бы ты согласилась быть моей женой. Я в молодости не испытывал ничего подобного. Не знаю, что со мной… Ты простишь меня? Ты согласишься быть со мной? – Наконец он поднял на нее глаза, и она увидела, что они полны слез. Суровый и невозмутимый генерал таял прямо на глазах, превращаясь во влюбленного и потерявшего голову мужчину.

– Эдуард Сергеевич, вам нельзя так волноваться.

– Что ты мне ответишь? – Он взял ее за руку, потянул на себя и усадил Дину к себе на колени. – Ну? Я противен тебе?

– Обещаю, что подумаю…

– Ты не сердишься на меня?

– Уже нет. Хотя мне понадобится какое-то время, чтобы прийти в себя…

Она в порыве охватившего ее нежного чувства обняла его за голову и поцеловала в серебряный висок.

– А про бабушку ты придумала? Ты что-то затеяла? Решила от меня сбежать?

– Нет.

И она спокойно, обстоятельно, нисколько не волнуясь, как самому близкому человеку, рассказала о пакете с деньгами, открытке.

– И ты решила найти этих людей? – Он вздохнул и покачал головой.

– Да. И я не стану менять своего решения. Эти деньги не дают мне покоя… Вы поможете мне?

– Ты хочешь, чтобы я отправился с тобой в Красноармейск? С радостью!

– Нет. Вы останетесь дома. Просто мне необходимо знать, что кто-то в курсе того, где я.

– Тебе страшно?

– В какой-то мере да. Все прояснится, когда я узнаю фамилию хотя бы одного из этих двоих – «В.» или «Розмари». И сразу же вернусь обратно.

– Ты – удивительная девушка!

– Вы тоже умеете удивлять.

Ей показалось, что вот теперь-то она окончательно проснулась, и к ней явилось ясное понимание того, что случилось: она дала надежду мужчине, которого не любила, которого не хотела, но которого не может бросить из жалости. За один только день она успела все испортить: и плавное течение жизни, и свои отношения с генералом – и обмануть себя. Зачем она так поступила? Тяжелый вопрос. Он прозвучал бы куда более естественным и своевременным, если бы это случилось в тот день, когда генерал попросил ее впервые раздеться перед ним. Как она могла допустить это? Разве это не проституция? И об этом она тоже никогда не забывала…

– Прошу тебя об одном: не думай, что я приехал теперь к тебе только лишь из-за страха, что ты пойдешь в милицию. Знай, я это заслужил. Но я должен был объяснить тебе свой поступок…

– Да здесь и объяснять нечего… – уныло произнесла она. – Понимаете, я думала, что рядом с вами нахожусь в безопасности, что вы никогда не сможете сделать со мной этого из-за… словом, по физиологическим причинам.

– Я понимаю.

– И внешне это именно так и выглядело… О господи, что я такое говорю?! Просто ни один нормальный мужчина не мог бы спокойно наблюдать, как перед ним ходит голая женщина, да к тому же та, которая ему нравится… Вы что, проверяли силу воли?

– Нет, я лишь позволил себе непростительную роскошь – видеть тебя… Понимаю, разговор тяжелый. Я, пожалуй, пойду. А у тебя будет много времени, чтобы во всем разобраться. Дина, возьми у меня деньги. Ты их заработала.

Он достал приготовленные заранее и сложенные в конверт деньги, протянул ей.

– И еще раз – прости. Ты на чем собираешься отправляться в Красноармейск?

– На поезде до Саратова, а там – или на машине, или на автобусе, еще не решила.

– Думаю, ты напрасно потратишь время. Подумай сама: прошло пять лет. Мало ли отдыхающих успело побывать в этом доме отдыха?

– А я думаю так. Зима, Новый год, в доме отдыха как раз не так уж и много людей. И среди них – яркая влюбленная парочка…

– Почему яркая?

– Да потому, что мужчина с фантазией, называет свою возлюбленную Розмари. Она явно плохо катается на лыжах…

– С чего это ты взяла?

– А как же эти строчки: «…Знай, что, пока я с тобой, ты всегда можешь на меня положиться и опереться».

– Он предлагает ей куда больше, чем опереться на него в прямом смысле этого слова.

– Я понимаю, и все равно – если бы девушка хорошо каталась на лыжах и не падала, вряд ли появились бы эти строчки. Хотя, может, я и ошибаюсь. Посмотрим.

– А как ты объяснишь, почему интересуешься этими людьми?

– Пока не знаю… Но я что-нибудь придумаю.

– Ты должна подумать об этом уже сейчас. Зачем вызывать лишнее подозрение у людей?

– Тогда я скажу, что мне дали поручение, вот и все. И тогда не придется ничего объяснять.

– Но люди любопытны. Советую тебе все же придумать какую-нибудь оригинальную причину, чтобы суметь расположить к себе работников дома отдыха. Чтобы они сами захотели вспомнить эту парочку. А может, все-таки дашь объявление в газету?

– В какую? Их сотни!

– Или по телевизору…

– Но речь ведь идет о крупной сумме денег!

– Почему ты не хочешь, чтобы я поехал с тобой?

– Я сама… одна…

– Понимаю, тебе просто надо побыть одной… Прости, прости… Я сам все испортил… Все, мне пора.

Он поцеловал ее в щеку и решительно направился к выходу.

Последнее, что она услышала: «Никогда не прощу себе этой слабости…»

6

Маша вышла на террасу, расположенную на втором этаже дома, села в плетеное кресло и залюбовалась сверкающим ночными огнями Фаро. Внизу, в спальне, отдыхали два ее малыша, Жозе работал в своем кабинете над переводами, а его мать, Одетт, пекла апельсиновый пирог – аромат теплого теста с цедрой разливался по всему дому и саду. И только Маша сидела без движения, глядя сквозь листву оливкового дерева на мерцающие огни города, и понимала, что именно сейчас, в эту минуту, счастлива, как никогда. И что живет так уже несколько лет, и что именно об этом и мечтает любая женщина в любом возрасте. Любящий муж, чудесные дети, красивый город, большой дом с садом на берегу океана, спокойная и понимающая свекровь…

– Мари!

Кто-то окликнул ее. Оказывается, она задремала, завернувшись в шаль. В декабре здесь было прохладно, и удивительно, что ей удалось задремать, не

замерзнув.

– Да, мама… Что случилось?

– Тебя к телефону, Мари. Звонят из России.

Дрему как рукой сняло, Маша тряхнула головой, спрашивая себя, не померещилось ли ей это. Откуда взяться звонкам из России? Четыре года тому назад, покинув страну, она разорвала все связи, все отношения. Ее отъезд был шоком для родных, друзей и в первую очередь для сестры. Никто так и не простил ей внезапного брака и решения полностью изменить свою жизнь. Все как-то чрезвычайно легко вычеркнули ее из своей жизни, словно она предала их. Хотя на самом деле все было иначе. Просто она впервые за много лет решила поступить, повинуясь своим чувствам, а никак не рассудку. Бросила первого мужа, Чагина, отказавшись от всех московских благ. Заодно лишила возможности свою сестру, Алю, жить вместе с ними и оплачивать учебу в университете. Все обещания, данные ей и касающиеся покупки Але квартиры и оказания ей материальной поддержки, теперь становились нереальными, о чем она и сказала сестре по телефону. Она просила простить ее, объясняла, что теперь не в состоянии сделать для нее ничего, что, разорвав отношения с Чагиным, она просто не имеет морального права просить его позаботиться о своей сестре. Для Али это оказалось ударом, она кричала в телефон, что никогда не простит ей этого, что она, Маша, эгоистка, всегда думала только о себе, кроме того, она полная дура, начисто лишенная мозгов, и что только такая идиотка, как она, может бросить Москву и поехать с каким-то там нищим португальцем в Лиссабон – прибежище русских и украинских шлюх… У Али было достаточно времени, чтобы одуматься и попросить у сестры прощения. Да чтобы понять ее, наконец. Маша с Жозе жили почти месяц в Москве, в гостинице, в ожидании визы, и можно было еще встретиться с Алей и все решить, наладить отношения, чтобы не расставаться врагами. Но Аля так и не позвонила. Не написала. Не ответила она на первое и единственное письмо, отправленное Машей сестре в Саратов уже из Португалии. У каждой из сестер была своя правда. И хотя Маша все же испытывала вину перед Алей за то, что, получается, обманула ее надежды, тем не менее жизнь продолжала свое течение, и невозможно было постоянно жить с этим чувством. Не получилось у Али с Москвой, зато в Саратове осталась большая квартира, машина – все то, что успели нажить за свою жизнь родители. Их уже не было, и Маше некому было объяснить свое решение, свой выбор… К тому же Аля была молода и полна сил, а потому была в состоянии сама строить свою жизнь, не надеясь на то, что ей кто-

то купит квартиру в столице, кто-то заплатит за учебу, будет содержать ее всю жизнь.

Родственники тоже как-то отстранились от Маши, словно обиделись. Теперь им негде было останавливаться в Москве, не у кого было занимать денег.

И вдруг этот ночной звонок.

Маша спустилась и подошла к телефону. Одетт, стройная черноволосая женщина с большими умными глазами, смотрела на нее растерянным и удивленным взглядом – она прекрасно знала Машину историю и теперь так же, как и она, пыталась угадать, что это за звонок, от кого… Но потом, решив, видимо, что это невежливо, что Машу следует оставить одну, тихо удалилась в кухню.

Она сразу узнала голос своей тетки, Татьяны, сестры матери.

– Маша? Просто не верится, что я наконец разыскала тебя. Твой телефон я нашла здесь, в вашей квартире, он написан прямо на стене, представляешь, над телефоном. Что же это получается: твоя сестра Аля звонила тебе?

– Нет, тетя Таня, она мне ни разу не звонила и не писала.

– Ты прости нас… Прошло много времени, и я постоянно спрашиваю себя, правильно ли мы все поступили, отвернувшись от тебя…

– Тетя Таня, ты что, плачешь?

– Маша… Я же звоню тебе не просто так… У нас горе… – И без какой-либо паузы, подготовки, выдала: – Алю убили! Она поехала в Москву по своим делам, у нее там встреча была с кем-то, и вдруг звонят нам сюда, из милиции, и говорят, что она убита…

Маша остановила взгляд на гладкой выбеленной стене, скользнула по натюрморту в коричневой рамке (воспаленные, с подвядшими лепестками карминно-розовые розы в стеклянной вазе), опустила глаза на гладкую золотистую поверхность столика, на котором стояла корзинка с апельсинами.

Здесь повсюду апельсины – даже за окном в погожий день можно увидеть в положенное время тяжелые оранжевые плоды, здесь воздух настоян на апельсинах, а в пору цветения апельсиновых деревьев в прогретом воздухе стоит нежный аромат…

Маша взяла себя в руки, попыталась сосредоточиться.

– Да что вы такое говорите, тетя Таня… Это ошибка! Где Аля жила в последнее время? Разве не в Москве?

– В том-то и дело, что нет. Она жила здесь, в Саратове, дома.

– Одна?

– Да вроде одна, хотя похаживал к ней один… Но ты знаешь Алевтину, она скрытная, ничего никому о себе не расскажет. Ты приедешь на похороны?

– А вы уверены, что убита именно она? – Маша все еще никак не могла поверить в смерть сестры.

– Иван поехал в Москву, за телом… При девушке нашли документы – Алин паспорт, понимаешь? Да и одета она была, эта убитая, как Аля, – белая куртка, красная шапка с шарфом… по приметам тоже все сходится. Вот Иван опознает ее, потом подождет, пока уладятся какие-то формальности, связанные с вывозом тела, может, еще и экспертиза будет… я не знаю… А потом он привезет ее сюда. Мы уже решили, что похороним на Воскресенском кладбище, рядом с могилкой ваших родителей.

– Тетя Таня, мне не снится все это? Этот кошмар?

– Нет, дочка. А ты Володе не хочешь позвонить? Здесь, в блокноте, и его телефон есть… Думаю, остался еще с тех пор, как вы были женаты.

– А он-то тут при чем? – холодновато спросила Маша. – Мы с ним не общаемся, не перезваниваемся… по понятным причинам. Почему вы вдруг вспомнили о нем?

– Да я подумала… может, он поможет там, в Москве, Ване с гробом, с моргом, я не знаю… Он же Москву совсем не знает, машины нет, ему будет очень трудно. Да и метро он боится. Я понимаю, ты далеко и ничего не знаешь о нас, о том, как мы здесь живем… О наших проблемах. У него аритмия, он не совсем здоровый человек, Ваня… Господи, ну о чем я говорю! Не можешь позвонить Володе – не звони. Это твое дело. Конечно, ты поступила с ним не очень хорошо. Он так любил тебя…

Маша слушала и не понимала, что это тетку так развезло. Столько лет не давала о себе знать, а тут вдруг разговорилась, словно решила вложить в такой трагический звонок все, что накопилось. Маша решила не прерывать ее, понимала – Татьяне просто надо выговориться. Быть может, в глаза-то она бы этого и не сказала, а так, по телефону, когда не видишь собеседника, – легче.

– Володя был хорошим мужем, это же бросалось в глаза. Когда мы приезжали к вам, останавливались у вас, мы с Ваней видели, как он относился к тебе, пылинки сдувал… Сколько шуб он тебе купил, а? А в холодильнике чего только не было. Да и денег – немерено. Я не понимаю, чего тебе еще нужно было? Жила как у Христа за пазухой. Машка, ты слышишь меня?

– Слышу, тетя Таня.

– Ты сильно обидела его, когда вышла замуж за своего португальца. Да так неожиданно! И что ты в нем такого нашла? Ну, я понимаю, когда бабы выходят замуж из-за денег. Но ведь Володя твой – молодой, красивый, богатый… Чего тебе не хватало?! Ты же любила его! Вы же по любви женились, это все знали. Что, что случилось, ну расскажи ты своей тетке! Он что, лучше русского мужика устроен? Может, в постели…

– Тетя Таня! – не выдержала Маша. – Скажите лучше, когда похороны.

– Да кто ж их знает? Вот приедет Ваня, все и решим. Я позвоню тебе.

– Хорошо. Жду звонка…

– Маша…

Но она бросила трубку. Не могла больше слушать всего этого бреда. Кому какое дело, почему она бросила Володю? Полюбила Жозе, вот и все. Разве это можно объяснить? Да и надо ли? К тому же – тетке, сгоравшей от любопытства и подгоняемой этим самым любопытством до такой степени, что она забыла уже, зачем позвонила, забыла о самом главном – о смерти Али…

К ней неслышно подошла Одетт.

– Что, милая? Нехорошие новости?

– Сестра умерла… Убили.

– Как – убили?!

– Я даже не спросила, как именно.

Маша подумала: может, она до сих пор на веранде, спит в плетеном кресле, закутавшись в шаль, и этот звонок ей все же приснился?

Но перед ней стояла Одетт, и лицо ее было серьезно и испуганно. Ее темные глаза мерцали, а полные красные губы подрагивали, словно она хотела что-то сказать, но не решалась.

– Какой-то бред… Кому понадобилось убивать Алю? И какой черт понес ее в эту Москву, где все пропадают, проваливаются в нее по горло, как в холодное зловонное болото… Исчезают. Мы же смотрели с тобой русское телевидение, ты же слышала, сколько пропадает людей… Их убивают, понимаешь? По разным причинам. Москва – она о ней только и мечтала. И меня прокляла потому, что я не успела пристроить ее там, не купила квартиру…

– Успокойся.

– Звонила моя тетка, сестра мамы. Она спрашивает, приеду ли я на похороны.

– И что ты сказала?

– Ничего конкретного. Они еще не привезли тело Али домой… Она просит меня о невозможном… Чтобы я связалась с бывшим мужем и попросила его о помощи. Но я же не могу!

– Чего они хотят от твоего бывшего мужа?

– Денег! – Маша развела руками. – Чего же еще? Они всегда хотели от него только денег. Все кормились с его рук, как голуби… Но теперь-то по моей вине он стал им чужим…

– Так вышли им деньги, – осторожно предложила Одетт.

Она вполне сносно говорила по-русски – ее первый муж, отец Жозе, учился когда-то в Москве. Второй муж Одетт умер два года тому назад от сердечного приступа. Красивая и довольно молодая еще вдова посвятила себя воспитанию внуков, хотя Маша отлично знала, что за ней ухаживает брат первого мужа, часто звонит ей, приглашает жить к себе в Лиссабон.

– Ты же порвала с ними… Ты можешь не слушать меня, но, если ты решишь поехать в Россию, тебя ждут там большие неприятности. Ты будешь там совсем одна, они съедят тебя.

Они обе понимали, что поездка вместе с Жозе – нереальна, для того чтобы ему получить визу, понадобится время, которого у них нет – с похоронами так долго тянуть не смогут.

– Решай сама, me amor… Это твоя сестра. Просто я очень люблю тебя, знаю, какая ты чувствительная и как тебе будет там тяжело… Подумай, надо ли тебе туда лететь. У тебя дети.

– Ты права, Одетт, я никуда не поеду. Вышлю им деньги. Вот подожду еще одного звонка, объясню, что не смогу приехать, потом предложу деньги. Знаешь, мне все еще не верится, что Али нет… Она была такая… как бы это сказать, живая, энергичная, активная, вздорная, скандальная, шумная… Не сестра, а стихийное бедствие. Всегда вляпывалась в какие-то истории, завязывала опасные знакомства, из мужчин всегда выбирала каких-то негодяев. Может, ей просто не везло? Одетт, у тебя есть сигареты?

– Я же бросила, ты знаешь… – И вдруг лицо ее осветилось нежной усталой улыбкой: – Но для тебя хорошая сигаретка найдется… Сейчас принесу… Ты к Жозе?

– Да, я должна рассказать ему о звонке. Хотя это можно будет сделать уже перед сном, пусть он еще немного поработает. У него сегодня так хорошо все идет… Он перевел почти целую главу.

7

Унылый пейзаж за окном – побелевшая степь, тихие, словно вымершие полустанки, сомнительное тепло вагона, невкусный чай, спящие на полках соседи по купе, заглядывающие в дверной проем взмокшие от беготни по вагонам красивые кудрявые цыганки, предлагающие шали из козьего пуха и покрытую фальшивым золотом керамику, обед в вагоне-ресторане с жирной котлетой и голубым картофельным пюре – все это было розовым букетом по сравнению с тем, что испытывала Дина, думая о генерале. Идиотская ситуация, в которую она попала, была спровоцирована ею с самого начала. И она не могла не понимать, чем может закончиться для нее первый в ее жизни опыт эксгибиционизма. Пошлейшая интрижка – вот результат ее глупости и жадности. Убеждая себя в том, что она таким образом работает над собой, избавляется от комплексов, связанных с неуверенностью в своей внешности, она распалила и без того пламенеющего от одного ее присутствия старого человека. Она так переживала по этому поводу, что даже ее пропитанная настоящим человеколюбием поездка в богом забытый провинциальный дом отдыха покрылась налетом фальши и пошлости. Кроме того, уже на подъезде к Саратову она сильно засомневалась в правильности своего решения – каким образом она станет искать следы какой-то там Розмари? Разве это не смешно?

Можно было провести хотя бы день в областном центре, отдохнуть в какой-нибудь гостинице, чтобы перевести дух, отоспаться после ночи, проведенной в душном вагоне, но Дина решила разделаться со своими делами как можно быстрее. А потому, расспросив на вокзале, как добраться до Красноармейска, и выяснив, что, кроме автобусов, туда ходят и такси, разыскала водителя и попросила как можно скорее отвезти ее в «Отрадное».

В машине она закрыла глаза, стараясь не думать ни о чем. Хотя тень генерала продолжала отравлять ее существование. И зачем они только все испортили? Могли бы оставаться в нормальных, деловых отношениях, просто как хозяин и служанка. А теперь кто она ему? Приходящая шлюха? И ей стало плохо, и ему: как он испугался… Чуть богу душу не отдал, когда понял, чем может закончиться для него этот сексуальный выверт…

– Приехали, – услышала она и проснулась. Машина стояла на залитой солнечным светом заснеженной площадке перед центральным административным корпусом дома отдыха. Тишина, покой, и вокруг – ни души…

Дина расплатилась с водителем, попросила его визитку на случай, если ей понадобится выехать отсюда, и легко взбежала на высокое крыльцо. Она представления не имела, у кого будет расспрашивать о влюбленной паре, принесшей ей столько хлопот. В холле она обнаружила несколько дверей, остановилась перед табличкой «Директор» и постучала. Тишина. Тогда она принялась стучать во все двери подряд – такой же результат. Все ушли на фронт. Увидев в окно идущих куда-то людей, спустилась с крыльца и подбежала к пожилой, уныло бредущей по дорожке женщине в пуховике и белой вязаной шапочке. Спросила, как ей найти директора. Оказалось, что сейчас полдник и все идут в столовую. Она присоединилась к группе отдыхающих – отряд пенсионеров направлялся пить горячее молоко с плюшками. Тоскливое зрелище. И ни одного молодого лица…

В столовой, просторном помещении и тоже полупустом, действительно пахло подгоревшим молоком. И на больших подносах на раздаче на самом деле стояли подносы с булками. Дина подумала, что не хотела бы на старости лет отдыхать в таком вот заведении, среди таких же скучных стариков. Интересно, что же делали здесь пять лет тому назад молодые люди с открытки?

На раздаче она спросила у полной женщины в белом халате, под которым угадывалась толстая шерстяная кофта, где можно найти директора. Ей показали на сидевшую у окна женщину в дубленке. Дина подошла, поздоровалась и спросила, может ли она провести ночь в доме отдыха, не имея на руках путевки.

– Да без проблем, девушка, – ответила директриса, отправляя в рот кусочек булочки. – Платите пятьсот рублей и живите.

Пятьсот рублей за ночь в этой гробовой тишине, среди пенсионеров и этих тошнотворных запахов…

Она решила действовать и достала конверт с открыткой. Показала директрисе.

– Я ищу этих людей. Понимаете, это крайне важно. Я специально приехала из-за границы, мне срочно нужно найти свою сестру…

Она нарочно придумала про заграницу, чтобы дать понять, что ее поездка сюда – дело чрезвычайной важности, и про сестру придумала для пущей важности. И когда уже сказала про сестру, вдруг поняла, что и имени-то ее не знает… Хороша сестрица!

– Понимаете, я даже не знаю ее имени, да и в лицо тоже… Так получилось, нас разлучили в детстве… Словом, пожалуйста, помогите мне найти ее. Знаю только, что в шутку ее звали Розмари. И что она отдыхала здесь вместе с мужчиной пять лет тому назад. Быть может, вы что-нибудь вспомните, ведь это же был Новый год, а молодых людей у вас тут, как я погляжу, не так и много, если не сказать, что совсем нет. Наверняка она записана в журнале регистрации…

Директриса, довольно стройная, с усталым лицом женщина вертела в руках открытку.

– Вы правы, я действительно отлично помню этих людей. Да только их было не двое, а трое – две девушки и парень. Они всегда и везде были втроем. Катались на лыжах, пользовались библиотекой и вообще производили впечатление культурных, образованных и интеллигентных молодых людей. Но кого из двух девушек звали Розмари – понятия не имею.

– Я заплачу вам за хлопоты. Пожалуйста, посмотрите фамилии этих людей. А это… деньги за проживание и за все остальное. Я все равно уже не успею уехать… – она протянула тысячу рублей.

Через полчаса она уже сидела в кабинете директора и подписывала какие-то бухгалтерские документы, а еще через некоторое время она получила самую важную информацию: на листочке красивым аккуратным почерком директора были написаны фамилии интересующих ее людей. «Мария Ивановна Неудачина. Алевтина Ивановна Неудачина. Чагин Владимир Борисович». И саратовский

адрес сестер Неудачиных: улица Рахова, дом 153/57, кв. 20.

– Я вспомнила, парень был не местный, не саратовский, кажется, он был из Питера или Москвы. Эта троица отдыхала у нас всего неделю, как раз перед Новым годом. Ну как, я помогла вам? – Женщина улыбнулась. – А вы, значит, еще одна сестра… И откуда же вы будете?

– Теперь это уже не важно… – загадочным тоном произнесла Дина, не собираясь рассказывать директрисе душещипательную историю о растерявшихся по жизни сестрах. На это у нее уже не было сил. – Думаю, что я теперь надолго задержусь в Москве. Главное – найти моих сестер. Представляю, как они обрадуются! А вам… извините, не знаю, как вас зовут?..

– Ольга Петровна, – в голосе директрисы прозвучала обида. Вероятно, ей так хотелось услышать от залетной заграничной птички всю правду.

– Ольга Петровна, спасибо вам большое! Вы извините, что я вам мало что о себе рассказала, но я приехала сюда втайне от мужа, и все слишком серьезно…

В сущности, теперь можно было покидать это гнетущее своей ранней зимней темнотой и безлюдьем место, но такси уже было отпущено, за проживание заплачено, так что она решила все же провести ночь в третьем корпусе, чтобы наконец отдохнуть и привести в порядок все свои мысли.

Включили освещение, и теперь снег вокруг местами порозовел, пожелтел, и только вычищенные дорожки между корпусами стали ярко-голубыми. В корпусах зажглись окна, почувствовалось какое-то движение.

Дине выделили, к счастью, совершенно пустую комнату, горничная (по виду совершенная крестьянка в пуховом платке и валенках) принесла чистое белье и проворно застелила постель, показала, где в коридоре можно найти горячий самовар и буфет с чашками, чаем и сахаром. Напомнила, что в восемь часов ужин, а после ужина – танцы.

– Уморительное зрелище, я вам скажу, – вдруг сказала она, широко улыбаясь. – Старики, а ведут себя здесь ну совершенно как молодые. Влюбляются,

назначают свидания, запираются в комнатах на ключ…

– Вас как зовут?

– Татьяна я.

– Вы что же это, прямо здесь, в доме отдыха, и живете?

– Нет, я в деревне, тут совсем рядом.

– У вас тут пять лет тому назад отдыхали сестры Неудачины – Маша и Алевтина, с ними был еще молодой человек по фамилии Чагин, может, помните?

– Когда именно? Летом? Зимой?

– Зимой, как раз перед Новым годом. Они еще на лыжах катались. Вот, посмотрите на эту открытку. Этот рисунок сделал как раз Володя.

Дина говорила так, словно она была знакома и с Чагиным, и с Неудачиными.

Татьяна присела на пустую незастеленную кровать и принялась внимательно рассматривать открытку.

– Да, конечно, я помню их. Очень красивый молодой человек. И его действительно звали Володей, как моего сына. К сожалению, мой Володя сейчас в Сургуте, поэтому он ничего не может вам рассказать о них подробно. Дело в том, что он часто бывал здесь, у этого Чагина, проводил с ними время, научил их играть в карты, разжигать костер в лесу…

– Девушек было две. С кем именно был Чагин, не можете вспомнить? С Машей, вероятно, раз он поздравляет с Новым годом Розмари. Это имя больше, согласитесь, подходит именно к Маше, чем к Алевтине…

– Ну вот вы сами и ответили на этот вопрос. Я-то лично ничего не знаю, вот Володя бы рассказал. Хотя что там рассказывать… Так, повеселились на природе, отдохнули, Володя привез им мяса для шашлыков, шампуры. Они же в лесу справляли Новый год.

– Но не могли же они втроем жить в одной комнате? Наверное, Володя, раз он был не женат, жил в отдельной комнате?

– Да, это так. Но кто знает, кто с кем спал ночью? А вы кем ему приходитесь, женой? – Татьяна посмотрела на Дину с едва скрываемым сочувствием. Подумала, наверное, что жена решила разворошить прошлое муженька и притащилась откуда-то издалека в надежде узнать какую-то семейную тайну.

– Нет. Просто я ищу вот этих людей, – Дина ткнула пальцем в рисунок на открытке, – чтобы сказать им кое-что очень важное. У них нашлись родственники… за границей.

Она не знала, как теперь спровадить горничную, которая все равно мало что знала об отдыхавшей здесь пять лет тому назад троице. Не хватало только выслушивать историю ее жизни или какие-нибудь местные сплетни.

– Знаете, есть еще один человек, который знал этих девушек. У нас повариха была, тетя Даша. Но она давно уже не работает, у нее ноги больные. Кажется, она была знакома не то с матерью девочек, не то с теткой. Если хотите, поезжайте со мной в деревню, поговорите с ней. За мной муж на машине должен приехать с минуты на минуту. У нас же коровы… доить надо.

– Нет-нет, это лишнее. Ваша директриса дала мне адрес этих сестер, так что… не надо. Спасибо большое.

– Ну, тогда я пойду? А вы располагайтесь, отдыхайте. Я понимаю, здесь скучновато, зато спокойно. Знаете, к нам многие приезжают именно из-за тишины, покоя, лыжных прогулок, леса. Женщины иногда после развода приезжают. Раны зализывать. Всякое ведь в жизни бывает! Вот и вы приехали сюда не просто так, видимо, причина важная – родственники нашлись. Наш дом отдыха хоть и скромный, провинциальный, но разные гости бывают. И начальнички высокие со своими зазнобами проводят время. Да только они проживают в отдельных корпусах. Но это вам уже неинтересно. Ладно, пойду я. Не забудьте про ужин. У нас сегодня рыба под майонезом.

Татьяна ушла, Дина облегченно вздохнула и рухнула на кровать – все, наконец-то она одна и может позволить себе просто полежать без движения, без слов,

без мыслей… Кажется, она все сделала правильно. Все узнала. Остальное – дело техники. Но об этом она подумает завтра. Хотя… Почему завтра, когда всю черную мозговую работу можно проделать прямо сейчас? Фамилии и адрес известны. Завтра она позвонит таксисту и попросит отвезти ее в Саратов. Нет, она прямо сейчас позвонит ему и договорится на завтра. Он и привезет ее по указанному адресу. На улицу Рахова. Она позвонит и, когда дверь откроют, скажет, что ей нужно встретиться с Марией Ивановной Неудачиной. Возможно, что она будет уже на работе. Ничего страшного. Она отправится на работу к этой Маше, встретится с ней, попросит рассказать ей о том, как она проводила время в доме отдыха «Отрадное», помнит ли она Владимира Чагина. Попытается выяснить, все ли в семье здоровы, не пропали ли у кого деньги (это будет самое сложное). Возможно, она скажет, что ей по ошибке сунули в Москве, возле памятника Пушкину, чужую записку. Какая нелепость! Получится, что она, Дина, приехала из Москвы специально для того, чтобы отдать чужую записку? Про деньги же она сразу говорить не может, мало ли кто такая эта Маша. Может, придумать про лекарство? Мол, сунули ей в руки пакет, а в нем вот эта открытка и лекарство. Все равно все будет выглядеть слишком уж сомнительно. Хотя если она повторит слова той женщины, передавшей ей пакет: «Теперь ее жизнь в ваших руках», – то в эту минуту, быть может, что-то и откроется? Ведь если под угрозой жизнь или здоровье кого-то из этой троицы (а в том, что пакет имел отношение либо к Володе, либо к Маше Неудачиной, Дина уже не сомневалась), то это должно будет сразу выползти наружу! Предположим, эта Маша воскликнет: «Пакет! Он у вас? С лекарством? Господи! Спасибо вам большое… что же мы стоим, проходите, пожалуйста… И вы привезли его сюда из Москвы? Только лишь из-за этой фразы? Вы – удивительный человек! Вы не представляете себе, как же мы все вам благодарны…» И тут выяснится, что Маша или Алевтина больна неизлечимой болезнью и деньги были предназначены, скажем, для операции… Вот тогда-то Дина и расскажет о деньгах. Или же дверь в квартире на улице Рахова откроет кто-то другой. Пусть даже кто-то из милиции. Предположим, Машу украли, а в квартире устроили засаду. А тут является Дина… Вы кто такая? Я?..

Все представлялось ей сейчас нереальным. Несерьезным. И зачем она только потащилась сюда? Положила бы спокойненько деньги в банк на свое имя и забыла о них на время. А дальше… Дальше время бы и показало, как действовать.

Дина укрылась с головой одеялом и закрыла глаза. Тело ее отдыхало, глаза слипались. Она принялась рассуждать, а как бы действовала она сама, если бы вдруг оказалась на месте той женщины, передавшей ей пакет возле памятника

Пушкину и обнаружившей, что деньги не дошли до адресата, что она отдала пакет совершенно чужому человеку? Скорее всего, снова отправилась бы к памятнику в надежде, что тот, кто взял пакет, тоже вернется туда. Но надежда на то, что человек вернет внезапно обрушившиеся ему на голову пятьдесят тысяч долларов, – ничтожна. Дураков нет. Есть только дуры. К тому же сразу после того, как она взяла пакет, они с Максимом отправились в театр… Максим. Она вообще забыла о его существовании. Когда она вернется в Москву, он непременно спросит ее, что случилось с теми документами, которые якобы были в пакете. Она спокойно скажет, что отправила их по указанному адресу почтой. Вот и все.

Рыба под майонезом… Пойти, что ли, поужинать? Или сначала позвонить таксисту?

* * *

– Дарья? Ты уже подоила?

Татьяна стояла в дверях сарая и смотрела, как Дарья, крупная, закутанная в шаль женщина процеживает через марлю молоко. Белая, в черных кляксах безрогая корова повернула голову и посмотрела на нее огромными кофейными глазами. Черные кожистые губы двигались, как заведенные, – она жевала подсохшую люцерну.

– Представляешь, Антонина-то каждый день сдает по пятьдесят литров, молочник у нее спрашивает, у тебя что: коровы или роботы? А она только смеется в ответ.

– Привет, Танюша, – поздоровалась мягким тихим голосом Дарья. – Тонька водой разбавляет, сама видела. Зашла как-то случайно, как раз после дойки, вот как ты сейчас, примерно в то же самое время, а она сараюшку-то свою запереть не успела, сидит, меркой воду в молоко добавляет, чтобы не до синевы разбавить, понимаешь? Я ей в спину говорю: и не стыдно тебе, Тонька?.. Она от неожиданности чуть с табуретки не свалилась. Но у нее такие коровы… такое молоко жирное дают, что никаким прибором воду не измерить. Да и вообще, не наше это дело, Татьяна. Ты за молоком?

– Представляешь, к нам в «Отрадное» одна мадам приехала. Я так и не поняла, откуда она. Туману напустила. Ищет девчонок твоих знакомых, племянниц Татьяны, тезки моей, Неудачиных. Интересуется, с кем был тот москвич, помнишь, когда они все втроем пять лет тому назад к нам приезжали Новый год встречать?

Дарья встала, проворным точным движением поправила сбившуюся шаль.

– Думаешь, жена Чагина, что ли?

– Ты прямо не в бровь, а в глаз! Я тоже так подумала, но она сказала, что никакая не жена, что ищет их совершенно по другому делу, мол, у сестер этих родственники за границей объявились.

– Так это она про Машу, что ли, говорила? И так все знают, что она за границей живет. Странно… И что, специально приехала, чтобы узнать, с кем спал Чагин?

– Нет, я так поняла, что она по открытке новогодней хотела выяснить, кто именно отдыхал в «Отрадном» пять лет тому назад и, главное, фамилии этих людей. Значит, она не знала ни ваших девчонок, ни этого самого Чагина. Может, на самом деле кто объявился за границей?

– И что, она узнала фамилии?

– Да. И фамилии, и адрес. Завтра поедет в Саратов, разыщет их.

– Кого их-то? Машка-то в Португалии давно живет. Значит, увидит она только Алю.

– Может, позвонишь ей, предупредишь? Или Татьяне звякни, она-то точно все знает. Может, они и без этой мадам в курсе, о ком идет речь.

Дарья несколько секунд смотрела в пространство, что-то обдумывая, потом переспросила:

– И она только ради того, чтобы узнать фамилии, приехала сюда? Потратила деньги, время… Может, это и вправду что-то серьезное? Надо бы предупредить

Алевтину, чтобы дома была. А вдруг им наследство какое… из Америки? – сказала – и усмехнулась, не веря своим же словам.

Она прикрыла ведро с молоком марлей и направилась к дому, Татьяна увязалась следом.

До Саратова Дарья дозвонилась быстро.

– Татьяна? Это ты? – Лицо Дарьи порозовело от волнения и радости. Татьяна была самой близкой ее подругой, несмотря на то что они встречались все реже и реже. – Узнала меня? Не ожидала? Понятное дело… Не так уж часто перезваниваемся. Я что тебе звоню-то… У нас тут одна особа объявилась, ищет твоих племянниц – фамилию хочет знать, адреса… Вроде бы у вас наследники какие в Америке, что ли, объявились… Я точно не знаю, это мне тезка твоя, Танюша, соседка, сказала. Так вот, она, эта женщина, завтра будет в ваших краях, заедет к Алевтине, ты ей позвони, скажи, чтобы дома была. Вдруг на самом деле что важное… Что? Али дома нет? А где же она?..

И тут Дарья побледнела, растерянно посмотрела на стоявшую возле кабинки Татьяну. Кивнула головой, продолжая таращиться куда-то в пространство, после чего, прикрыв микрофон рукой, шепнула самой себе, как всхлипнула:

– Алевтина померла… – И в трубку: – Да она совсем молодая! От чего померла-то?.. Убили?! Господи, прости!

Она перекрестилась и стояла несколько минут, слушая. Брови ее взлетели вверх, а губы поджались. Татьяна не спускала с нее глаз, стоя за дверцей кабинки.

– И похороны когда, тоже, значит, не знаете… Горе-то какое… Так, может, женщина-то, что к нам приехала, имеет к этому делу какое-то отношение? Я уж и не знаю, правильно ли сделала, что позвонила тебе, или нет… Да, ты права, лучше быть предупрежденным… Но горе-то какое… Вот слушаю тебя – и ушам своим не верю. А что Маша? Приедет? Ты позвонила ей или вы до сих не разговариваете?.. Понятно. Конечно, она не приедет. А ответила просто так, из вежливости, не могла же она тебе сказать: извини, тетя Таня, мне не до тебя, не до ваших похорон, у меня своя жизнь… Думаешь? Ну, не знаю… Да понимаю я все, она далеко. Ладно, я тебе потом перезвоню… Ты? Договорились. Как только

будет известен день похорон, сама позвони, я-то обязательно приеду с Алей проститься… Держись, подружка…

Она положила трубку, вышла из кабинки и посмотрела на Татьяну.

– Алевтину убили. В Москве. Никто не знает, зачем она туда поехала. Говорила, что по делам.

– Как – убили?!

– Застрелили.

– Матерь божья…

8

Владимир Чагин сидел на диване в гостиной и пил водку. В квартире было тихо – до развода оставалась неделя, и жена его с двумя детьми вот уже месяц как жила у своей матери в Черемушках. Ему и самому не верилось, что он остался один, что Катя с детьми не вернется, но вот радоваться ему или нет, он пока еще не определился. С Катей они прожили три года. Красивая домашняя девочка с большими амбициями, готовностью обидеться на любую мелочь, капризная, избалованная, злопамятная. С первого дня их брака он жил с сознанием того, что совершил ошибку, что их отношения явились для него средством избавления от фатального наваждения – любви к другой женщине, своей первой жене. Но Катя так быстро объявила ему о своей беременности, а ее родители так упорно давили на него, требуя каких-то активных действий, которые доказали бы всему свету существование у него чувства ответственности, что он сдался практически без сопротивления и свадьба состоялась уже через три месяца после его развода с Машей. Молодые поселились в большой квартире Чагина, и Катя едва ли не в первый же день их совместного проживания заявила свои права не только на свободу Владимира, но и на его имущество. Она развила бурную деятельность, начав ремонт, в квартире вскоре появилась новая мебель, пришли какие-то люди в оранжевых комбинезонах – они оборудовали даже детскую! Она вила гнездо с завидным

упорством, заводя в доме свои порядки, словно всю свою несознательную молодую жизнь только и занималась тем, что обдумывала детали замужества. Она знала и умела все. Оказалось, что Катя прекрасно готовит, умеет встречать гостей и отлично ведет хозяйство в целом. Она снисходительно принимала знаки внимания, которые оказывал ей муж, что же касается половой жизни, которая подразумевалась в браке, то это было воспринято Катей как некая повинность, которую она терпела, разве что не стиснув зубы. Словно близость с мужем причиняла ей боль. Но если раньше Чагин обижался на Катю и не знал, с чего начать воспитание молодой жены, чтобы она радовалась этим отношениям, то потом решил для себя, что он спокойно может спать просто рядом с женой, вовсе не прикасаясь к ней. И что, возможно, только при таких отношениях их супружество, как это ни парадоксально, сохранится. Они не любили друг друга, но держались первое время за этот брак, как за единственное средство спасения от одиночества. К тому же Катя просто созрела для замужества и готова была рожать ему детей. Она мало что понимала в отношениях между мужчиной и женщиной, и на этот счет Чагин имел свое мнение – он считал, что тому виной глуповатая и недалекая мамаша Кати, воспитавшая дочь в самых дурных принципах, касающихся близких отношений между супругами, благодаря которым вечно голодный по части секса тесть заводил шашни с молоденькими девочками на своей работе (о чем время от времени делился с зятем под водочку). Зато в доме всегда было чисто, пахло вкусной едой, а в шкафу висели выглаженные сорочки, вычищенные костюмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danilova_anna/hroniki-rozmari

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити